

УДК 130.3

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Р.А. Мигуренко

Томский политехнический университет

E-mail: tatarova47@mail.ru

Выявляется сущность постнеклассических интерпретаций сознания, определяется явное или неявное наличие в них истин здравого смысла, и таким образом устанавливается связь основных положений рефлексивного сознания с установками естественно-го (нерефлексивного).

Ключевые слова:

Направление, установка, подход, парадигма, противоречия, методологический плюрализм, перспективы, здравый смысл.

Key words:

Direction, attitude, approach, paradigm, contradictions, methodological pluralism, prospects, common sense.

Здравый смысл — самоочевидные для обыденного сознания положения — является основой всех форм сознания. В гносеологическом аспекте здравый смысл представляет собой ненаучный метод познания и венаучный источник истинного знания в обыденной области. В структуре обыденного сознания здравый смысл выполняет функцию неформального критерия рациональности.

В отношении возможностей здравого смысла в решении проблемы сознания существуют различные позиции — от оптимистической до пессимистической. В основе первой — вера в эпистемологическую компетенцию здравого смысла, второй — сомнение в его «могуществе». Скепсис вызван рядом факторов: суждения здравого смысла противоречивы (их противоречивость обнаруживается на уровне совокупности), кроме того, суждения здравого смысла не имеют обоснования, некоторые из них построены на иллюзиях, обусловленных отсутствием на уровне обыденного сознания определённых знаний (например, о нейронных процессах в мозге). Кроме того, за пределами здравого смысла и языка находится ряд концептуально важных проблем и способов их решения, а фундаментальные установки здравого смысла в отношении сознания («установки по умолчанию»), имеющие разную природу (эволюционную, культурную), в своём безусловном выражении оказываются ошибочными. Эти обстоятельства обусловили попытки избавиться от навязчивого присутствия обыденного языка в обсуждении трудной проблемы сознания и замене его языком, приспособленным для описания ментальных состояний.

Философия признаёт истинность интуиций здравого смысла, однако философские положения могут не совпадать с ними, более того, противоречить им. Основная причина недоверия здравому смыслу со стороны философов — недоступность для философского анализа того в суждениях здравого смысла, что принадлежит сфере чувственно данного. Не поддающиеся рефлексии чувственно данные в суждениях здравого смысла делает философскую истину недостаточной обоснованной. И здесь мы замечаем, что согласно критерию «до-

статочная обоснованность» статус философского (рефлексивного) знания и статус интуитивных истин здравого смысла один и тот же — это знания, не имеющие достаточного обоснования.

Допустимость использования самоочевидных для обыденного сознания положений (его интуиций → истин → нормативов) в основополагающих философских суждениях основана на: 1) признании гносеологического потенциала здравого смысла; 2) допущении, что сопоставление (тем более совпадение) философских и обыденных истин позволяет: а) обыденному сознанию адаптироваться к философскому уровню понимания действительности и б) философским идеям быть воспринимаемыми на уровне повседневности.

Алгоритм решения проблемы сознания можно представить в виде структуры: «философская установка → концептуальный подход → общее методологическое основание исследования → конкретная методология → теория сознания». Явным или неявным инвариантом в этой структуре выступает здравый смысл. В решении проблемы сознания функционально здравый смысл может выступать как:

- 1) установка. Вневременность, внеконтекстуальность интуитивных по природе истин здравого смысла придаёт им статус нормативов — естественных установок к восприятию действительности;
- 2) специфический метод (нет принципов, нет правил, нет процедур применения) и результат (вероятностный, с точки зрения логического значения, и интуитивный, по характеру «участников» познавательного процесса: интеллектуальных чувств, эмоциональных переживаний и ценностей);
- 3) критерий оценки философского познания. В этом качестве здравый смысл — «лекарство» от спекулятивных схем на уровне теории — выполняет критическую функцию. Отсутствие противоречий между теорией и непротиворечивыми изначальными предписаниями здравого смысла на уровне установки есть относительный индикатор адекватности теории сознания.

Цель данной статьи состоит в выявлении сущности постнеклассических интерпретаций сознания и явного/неявного наличия в них здравого смысла.

В анализе постнеклассических интерпретаций сознания здравый смысл будет использоваться в качестве критерия оценки в соответствии с принципом — в познании придерживаться здравого смысла и не переходить за его рамки [1. С. 319], но с учётом, что философские противоречия здравому смыслу в понимании сознания могут быть обусловлены именно неприятием здравого смысла в роли критерия истинности философских положений на том основании, что интуитивные истины здравого смысла не могут гарантировать истинности основанных на них утверждений.

В современных трактовках сознания обнаруживаются альтернативы, сложившиеся ещё в классический период, поскольку источник оппозиций остался прежним: с одной стороны, — наша неспособность представить, как материальный мир может быть вмещенным мыслями, субъективных ощущений, эмоций, с другой, — уверенность в том, что раскрытие каузальных связей и накопление фактов о каком-либо объекте даёт нам объективное понимание этого объекта [2. С. 128]. «Под широким углом зрения» Д. Деннета ситуация в философии сознания представляется «бесплодным качанием маятника от дуализма Декарта к материализму Гоббса и идеализму Беркли, а затем обратно к дуализму, идеализму и материализму, с немногими изобретательными, но неправдоподобными приспособлениями и изменениями терминологии» [3. С. 360].

Основные колебания провоцирует декартовская дилемма взаимодействия сознания и мозга. Актуальная в современных дискуссиях о сознании тема «ментальное — физическое» разрабатывается на разных стратегических направлениях, ведущей концептуальной позицией здесь является супервентность. Термин «супервентность» в философии сознания используется для объяснения особого типа психофизической связи, а именно, когда психическое сопряжено с физическим, но не сводится к его свойствам (это положение выполняет роль метафизической установки). Что касается интерпретации данного термина, то она зависит от ответа на вопрос о характере связи (логической, физической, необходимой, законосообразной и т. д.).

Одной из влиятельных материалистических интерпретаций феномена сознания является физикализм, согласно которому сознание самостоятельной сущностью не является, оно есть порождение материи и объяснимо с точки зрения физики и других естественных наук. Этот подход к сознанию имеет мощную фактуальную базу: головной мозг человека является сложнейшим «механизмом» природы, высшим уровнем организации материи; сознание конкретного человека не может существовать без мозга, а мозг — это биологический орган; влияние на организм человека отражается на сознании. Основная проблема, на которую

наталкиваются логические доводы физикалистов, — идеальность сознания, его особая, нематериальная сущность. Иначе говоря, физикалистам ещё доказать надо, что сознание — это материальная сущность. На уровне обыденных представлений о сознании «протест» вызывает не физикалистская интерпретация (она не противоречит здравому смыслу), а последующий вывод о том, что носителем сознания может быть не только мозг человека, но и другой материальный объект.

Несмотря на поддержку естественных наук в решении «трудной проблемы сознания» физикализм терпит неудачу, что способствует возрождению дуалистических концепций. Интуиция здравого смысла «сознание связано с мозгом, но сознание и мозг — не одно и то же» обуславливает дуализм на уровне обыденных представлений и его понимание в классической версии. Однако современный дуализм, защищающий тезис о двух сторонах реальности — ментальной и психической, являясь «академически респектабельной позицией» [2. С. 134], в его «натуралистическими» версии шокирует своими «панпсихистскими» выводами о возможности примитивных форм сознания у всего существующего. Идея всеобщей одушевлённости противоречит обыденным представлениям о сознании как чисто человеческом качестве.

Тема «сознание и мозг» является основной в теории тождества. Её фундаментальный тезис — ментальное и физическое есть одно и то же; ментальное событие идентично физическому событию (мозговому процессу); высказывания о ментальных процессах тождественны высказываниям о процессах в мозге. Отождествление субъективного опыта с мозговыми процессами имело серьёзные «концептуальные» последствия в форме элиминативизма, функционализма и возникших на основе функционализма информационного и компьютерного решений проблемы сознания.

Метафизическая установка, на которой осуществляется элиминативистская интерпретация, может быть сформулирована следующим образом: Вселенная однородна, каузально связана, действует по единым законам, следовательно, ментальное — это псевдоральное, нельзя отождествлять фиктивное с нефиктивным. Сознание — это только внешне фиксируемые нейрофизиологические процессы, языковое и социальное поведение. Признание ментальных понятий фикциями и устранение их из теоретического языка — таков принцип решения проблемы сознания в элиминативизме.

И идея тождественности ментального и физического, и элиминативистская трактовка сознания противоречат установкам здравого смысла в отношении сознания: в первом случае — интуитивным представлениям, что сознание есть нечто особенное, отличное от физического, во втором — уверенности в том, что человек имеет сознание, оно определяет его поведение, более того, человеческое «Я» и есть сознание. Теряя сознание, человек теряет не только связь с внешним миром, но теряет себя.

Когда человек возвращается в сознание (или сознание возвращается к нему), мы говорим: «Человек пришёл в себя».

Более сильной реакцией на теорию тождества является функционализм, имеющий достаточно длительную историю существования за пределами философии — он был «опробован» в социологии, биологических науках, в междисциплинарных исследованиях, охватывающих работы по искусственному интеллекту, компьютерной психологии, психолингвистике, нейропсихологии и др. Росту популярности функционализма способствовало внедрение компьютерных метафор в философию и психологию сознания.

Основной тезис функционализма: ментальное не является разновидностью физического, не является свойствами (материальными или идеальными), а представляет собой функциональные состояния/отношения. В этой версии сознание рассматривается как некий механизм: ментальные состояния индивидуализированы в виде содержательных/информационных единиц, связи и отношения между которыми носят логический и каузальный характер. Этот подход представлен разными вариантами, имеющими, однако, общий философско-методологический фундамент: 1) позицию метафизической нейтральности, согласно которой ментальные и когнитивные свойства можно исследовать безотносительно к их носителям — биологическим, физическим, духовным; 2) признание сознания чистой функцией. Общий вывод: феномен сознания может быть функционально реализован не только в человеке, но и в компьютере, и в других вещах. Функционализм противоречит обыденным очевидностям: в системе истин здравого смысла нет таких, которые обеспечивали бы «поддержку» основополагающей для функционализма идеи множественной реализации сознания как функции.

Дениэл Деннет — представитель «машинной» версии функционализма [4, 5]. Его установка — термины ментального словаря не имеют референтов в виде особых ментальных сущностей; признание этого положения необходимо, чтобы остановить маятник взаимоисключающих и одинаково абсурдных альтернатив дуализма, материализма, теории тождества и идеализма. Поэтому задачу философии сознания Деннет видит в том, чтобы разрушить миф о самоочевидности субъективного опыта, устранить его догмы и заменить их объективистской теорией. Человек в действительности мало знает о своём внутреннем мире, но представляет этот мир как что-то очень сложное, противоречивое и важное: душа (чистая, светлая, безвинная и т. д.) — радуется, беспокоится, болит, томится, чужая душа — потёмки; сердце — чувствует, предчувствует, подсказывает. Д. Деннет — из тех философов, которые не доверяют интуициям здравого смысла. Его тезис о том, что ментальных состояний как особых сущностей не существует, противоречит здравому смыслу, однако учёный убеждён в истинности утверждения, что ментальные сущности есть не что иное, как нейронные схемы

мозга, в достаточности объективистского подхода к сознанию. Согласно Д. Деннету, существуют разные установки — интенциональные, физические и дизайнерские. Интенциональная установка приписывает убеждения, желания некоторым материальным системам в целях более эффективного предсказания их поведения [5. С. 119]. Обыденное сознание применяет интенциональные установки, интенциональные идиомы для интерпретации материальных объектов. Подобное по сути явление, выраженное термином «антропоморфизм», обычно относят к проявлениям мифологического (мифического) сознания. На основе сходства содержания этих понятий можно предположить, что разработка идеи функционалиста Д. Деннета по поводу интенциональной установки, крайне отрицательно настроенного в отношении иллюзий, представляется перспективной для обсуждения проблемы мифичности индивидуального сознания.

Несмотря на популярность функционализм столкнулся с рядом неразрешимых в его границах вопросов, касающихся возможности реализации функции в отрыве от свойств носителя, механизма реализации функции, проявления функциональной роли конкретных ментальных состояний в условиях содержательного и информационного расширения. Смещение внимания с физических законов мозга и устройства компьютера на логические состояния и общие правила трансформации этих состояний привело к возникновению «внутри» функционализма информационной интерпретации сознания.

Сознание как информация представляет собой особое качество самоорганизующихся и самоуправляющихся систем, возникшее как «находка» биологической эволюции, суть которой — возникновение психики как информационного процесса, выработанного в ответ на усложнение живой природы и её потребности самоорганизации. В результате возник высоко оперативный способ получения, переработки и использования информации в целях управления сложнейшим организмом и централизации его действий. Сознание как некое «содержание» представляет собой информацию, воплощённую в определённой мозговой нейродинамической системе [6, 7]. На основе функционально-информационной интерпретации сознания сформировался компьютерный подход к моделированию мозга и его деятельности на основе использования искусственных нейронных сетей, который позволил сделать вывод о том, что сознание возникает в результате самоорганизации нейронных отношений. О перспективности данного подхода к решению проблемы сознания говорит тот факт, что в структуре философии науки появилась нейрофилософия, задачей которой состоят в исследовании компьютерной модели мозга и сознания, возможностей компьютерного мышления. Кроме того, информационный подход является ведущей методологией междисциплинарных исследований в рамках когнитологии. Однако здесь сознание представлено рацио-

нальным мышлением, т. е. сознание машины не тождественно сознанию человека. Поэтому расширение знаний о возможностях сознания в состоянии рационального мышления для обыденного сознания представляет интерес, но любое отождествление сознания человека и компьютера противоречит обыденным истинам о сознании.

Примером информационного подхода к миру в целом является гипотеза о Вселенной как гигантском компьютере, представляющая мир однородным информационным потоком, в котором нет места сознанию как ментальному, феноменальному или субстанциальному: сознание есть информация. Однако радикализм выводов об информационной природе Вселенной ослабляется версией, согласно которой информационные пространства имеют внешние (физические) и внутренние (феноменальные или протофеноменальные) свойства. Отсюда следует вывод, что описание сознания ментальным языком есть внутренняя информация, а физическое его описание представляет собой внешнюю информацию.

Это и есть современный панпсихизм или двухаспектная онтология, претендующая на роль перспективной стратегии решения проблемы сознания, но «столь очевидно расходящаяся со здравым смыслом [5. С. 157]. Её автор – Дэвид Чалмерс. Он разрабатывает свою концепцию на основе синтеза идей функционально-компьютерного подхода к решению проблемы сознания и признания реальности субъективного опыта. Позиция Д. Чалмерса заключается в следующем: функционирование мозга объяснимо методами когнитивистики и нейронаук; экспликация внешних проявлений ментальных состояний возможна в научных терминах, поскольку субъективная реальность есть оборотная сторона объективных функциональных схем в мозге (паттерн). Основой когерентности субъективного и функционального уровней признаётся информация (квалитативные состояния), носителями которой являются паттерны. Теория Д. Чалмерса специфична.

Во-первых, допуская каузальную действенность субъективных состояний, она представляет собой вариацию теории тождества, которая и проблему ментальной каузальности решает, и здравому смыслу не противоречит (наше сознание определяет наше поведение: «голова б не думала, ноги б не пошли»). Однако в повседневных представлениях о связи сознания и поведения человека нет объяснения механизма этих связей: нереплексивное сознание не знает такой проблемы.

Во-вторых, обосновывая косвенную каузальную релевантность квалитативных ментальных состояний, она отличается от традиционного эпифеноменализма, с которым её сближает признание онтологической самостоятельности сознания в условиях каузальной замкнутости физических процессов. Панпсихизм, расходящийся с интуициями здравого смысла, есть следствие признания Д. Чалмерсом неразрывной связи объективных

функциональных схем и субъективной информации. Необходимость связи лишь констатируется. Но при этом допускается фундаментальность сознания и фундаментальность законов, связывающих сознание с физическим миром, в основе которых лежат принципы структурной когерентности и организационной инвариантности [5. С. 156].

Для объяснения отношения сознания к информационным процессам выдвинута гипотеза [8], согласно которой процессы в мозге имеют три уровня: первый – энергетические процессы; второй – информационные процессы, обеспечивающие когнитивные функции мозга и порождающие идеальные объекты, такие как смысл, содержание, код; третий уровень процессов мозга и есть сознание, специфика которого состоит в способности субъекта в идеальной форме представлять энергетические и информационные процессы, осмысливать (понимать) и управлять ими.

Базовой установкой использования возможностей квантовой механики для более глубокого понимания феномена сознания является идея – квантовый мир есть аналог реального мира, квантовая механика – это наиболее глубокое понимание мира. Квантовые метафоры используются в философии для описания сознания как формы действительности, обладающей признаками спонтанности, вероятности, относительности: в ситуации поиска новых решений сознание ведёт себя как квантовый феномен – вносит в понимание ситуации неопределённость, двойственность, дополненность. Идея спонтанности сознания, его неопределённости понятна естественному человеку. Можно привести примеры суждений здравого смысла, отражающие свойства относительности, спонтанности, активности, свободы сознания. Человек не хозяин своему сознанию: мысли рождаются, сознание «покидает» человека, «возвращается» к нему.

Обыденные представления о сознании как некой структуре находят своё воплощение в выражениях: «Ум за разум зашёл»; «Ум доводит до безумья, а разум – до раздумья», «Говорит наобум, а ты бери на ум» и др. В современных «динамических» интерпретациях находит решение проблема взаимодействия сознания и бессознательного. Это решение основано на идее, согласно которой сознание и бессознательное являются необходимыми составляющими когнитивной системы человека. Проявлением когнитивных способностей сознания являются акты самосознания. Как оппозиция бессознательному сознание осуществляет контроль того когнитивного опыта, который относится к сфере спонтанности (бессознательного). Состояние индивидуальной когнитивной системы в целом определяется отношением сознания и бессознательного. Формы взаимоотношения этих когнитивных подсистем в процессе эволюции изменяются, а именно, наблюдается тенденция к расширению сознания и усилению его управленческих функций по отношению к бессознательному.

В современной философии сознания существует модульная концепция, согласно которой сознание есть совокупность автономных унифицированных структурных элементов (модулей), выполняющих определённые функции. Эта оригинальная в своих интерпретациях сознания концепция не только согласуется со здравым смыслом, но и имеет эмпирическую подтверждаемость.

Однако среди современных интерпретаций феномена сознания есть «неожиданные» для восприятия естественным человеком. В качестве примера можно назвать меметическую версию сознания, согласно которой сознание есть совокупность мемо-эффектов – генетически наследуемых механизмов культурной имитации.

Оценка философских представлений с точки зрения здравого смысла может осуществляться в категориях «согласуется», «не согласуется», «противоречит». Философские концепции сознания содержат идеи, в той или иной степени несогласующиеся с положениями здравого смысла (панпсихизм с идеей о всеобщей одушевлённости; эпифеноменализм, отвергающий влияние сознания на поведение). Однако существуют ситуации, когда согласие со здравым смыслом из достоинства превращается в недостаток – в «злоупотребление» нормативами здравого смысла. «Главный представитель философии здравого смысла в современных спорах о сознании», «рыцарь здравого смысла» Дж. Сёрл, достигший «удивительного согласия» теоретического решения проблемы «ментальное – физическое» со здравым смыслом, создавший свою концептуальную схему на основе тезисов здравого смысла человека «с улицы», проблему не решил [5. С. 67–68].

Апелляция к здравому смыслу, «заряжённому не критической метафизикой», может ослабить теоретические позиции. Так, Д.И. Дубровский говорит о теоретической «рыхлости», амбивалентности работы Сёрла «Открывая сознание заново». Причина концептуальной неопределённости, логической непоследовательности правильных по сути положений видится в стремлении автора сократить разрыв между философскими концепциями сознания

и обыденными знаниями о «ментальной жизни», её описаниями в естественном языке [9. С. 92, 111]. Однако, если задачу философа видеть в обнаружении и разъяснении смысла истин обыденной (народной) философии о сознании, то Дж. Сёрл с нею справился – «открыл сознание заново» в рамках очевидностей. «Факты», на которые ссылается автор «биологического натурализма» [10], есть ни что иное как суждения здравого смысла: состояния сознания порождены мозгом; сознание – специфический феномен; сознание влияет на поведение; изменения в мозге сопровождаются изменениями ментальных состояний. Эти положения в естественном языке зафиксированы в различных формах. Приведём фольклорный вариант: «Голова всему начало» (сознание связано с мозгом); «Голова б не думала, ноги б не пошли» (сознание влияет на поведение); «Дурная голова ногам покоя не даёт» и др.

На основе критических замечаний в адрес «рыцаря здравого смысла» можно сделать вывод: использование интуиций здравого смысла в создании, обосновании и оценке философских концепций имеет свои пределы. Тема адекватности использования истин здравого смысла в решении проблемы сознания является актуальной [11]. Однако возникает сомнение в целесообразности оценки философского знания с точки зрения здравого смысла: прямого влияния результатов теоретического осмысления феномена сознания на представления естественного человека о сознании нет. Более того, те, достаточно обширные, знания о сознании, которыми человек обладает, *во-первых*, не заимствованы из философии, *во-вторых*, не могут быть опровергнуты философскими рассуждениями [12. С. 22]. При этом обыденные представления о сознании настолько устойчивы («навязчивы»), что проникают в философскую рефлексию и делают её «заложницей» интуитивно-чувственного компонента обыденного знания. В результате, мы сталкиваемся с проблемой гносеологического предела «неслучайного» участия здравого смысла в концептуальных и методологических установках философии сознания, в создании и обосновании философского знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шефтсбери А. Эстетические опыты. – М.: Искусство, 1975. – 543 с.
2. Юлина Н.С. Тайны сознания: альтернативные стратегии исследования // Вопросы философии. – 2004. – № 10. – С. 125–135.
3. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания / Пер. с англ. А.Л. Блинова // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Сост. А.Ф. Грязнов. – М.: ДИК «Прогресс-Традиция», 1998. – С. 361–375.
4. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
5. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
6. Дубровский Д.И. Информация. Сознание. Мозг. – М.: Высшая школа, 1980. – 286 с.
7. Дубровский Д.И. Проблема сознания: опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей // Проблема сознания в философии и науке / под ред. Д.И. Дубровского. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 5–52.
8. Гриценко В.П. Философия сознания: в поисках смысла // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С.А., 2007. – С. 220–226.
9. Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново») // Вопросы философии. – 2003. – № 7. – С. 92–112.
10. Серл Дж. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
11. Мигуренко Р.А. Повседневность и решение проблемы сознания // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319. – № 6. – С. 117–122.
12. Райл Г. Понятие сознания. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 408 с.

Поступила 13.02.2012 г.